

Девушка стояла, стройная и одинокая, у края мерцающих огней. Она явно находилась в самом центре шумной толпы, но от её облика невозможно было отделить неизбежную прохладу. Он почувствовал, как в груди шевельнулось необъяснимое чувство, и, заметив, что Циньэр смотрит в сторону Эркана, невольно потупил свои холодные, чистые глаза. Он тут же взял себя в руки, мысленно отчитав себя за столь неподобающий взгляд.

— Осторожно! Кто-то впереди поскользнулся! — в толпе внезапно поднялся шум, в суете кто-то толкнул Циньэр.

— Ой! — вскрикнула Циньэр. Под ногами было влажно от мха, равновесие было безнадежно потеряно, и она вместе с фонарем полетела прямо в воды Тайечи!

В мгновение ока тёмный силуэт стремительно метнулся вперёд, подобно соколу. Сильная рука крепко обхватила Циньэр за тонкую талию, носком сапога он легко коснулся прибрежного камня, используя инерцию для разворота, и мягко перенёс девушку обратно в безопасное место.

Всё произошло в доли секунды. Когда испуг Циньэр немного отступил, она поняла, что уже стоит на твёрдом берегу, а крепкая рука на её талии давно исчезла.

Спасший её человек сделал шаг назад, сжав кулак в приветственном жесте. Его голос звучал ровно, но в нём сквозило едва уловимое напряжение:

— Княжна Цин, в критической ситуации действуют по обстоятельствам. Твой слуга позволил себе лишнее, прошу княжну простить меня.

Это был Фу Линъань, которому было приказано патрулировать территорию этой ночью.

Циньэр прижала руку к всё ещё отчаянно бьющемуся сердцу, глубоко вздохнула и подняла взгляд на стоявшего перед ней человека. Фу Линъань был строен и прям, как сосна, его черты при мерцающем свете оставались резкими и мужественными, а на лице читалось привычное суровое выражение. Лишь слегка сжатые губы выдавали нечто необычное.

— Генерал Фу преувеличивает, — мягко произнесла Циньэр, искренне благодаря его. — Если бы не своевременное спасение генерала, Циньэр сейчас наверняка превратилась бы в мокрую курицу. Это я должна благодарить генерала.

— Защита порядка во дворце — долг вашего слуги, — Фу Линъань опустил взгляд, говоря исключительно по-деловому. — Сегодня на улице многолюдно и суетно, княжне следует быть осторожнее.

Сказав это, он снова отдал честь, развернулся и быстрым шагом влился в ряды патрульных, а его чёрный плащ взметнулся резким взмахом на ночном ветру.

Только он сам знал, какое тепло и какой манящий остаточный аромат таились в недавнем объятии, и как бешено, неподконтрольно колотилось сердце в груди. Он заставил себя не оборачиваться.

— Циньэр! Ты в порядке? — Цзывэй и Сяо Яньцзы уже с тревожными лицами подбежали к ней. Юнци, Цзи Чжичэн и остальные тоже быстро приблизились, образуя защитный круг.

— Я в порядке, просто испугалась, — успокаивающе улыбнулась друзьям Циньэр, но её взгляд невольно проследил за тем местом, где скрылся Фу Линъань. Объятия этого сурового генерала... оказались неожиданно надёжными и успокаивающими.

С высокой террасы Лао-фо-е наблюдала за всей этой опасной сценой, затаив дыхание. Лишь убедившись, что Циньэр невредима, она медленно выдохнула.

Она посмотрела вслед удалявшемуся Фу Линъаню, и её взгляд стал глубже.

Семья Фу — знатный и влиятельный род, Фу Линъань молод, но уже добился успехов, его заслуги в военном деле огромны, а репутация безупречна. К тому же его недавнее спасение было быстрым, чёрт возьми, безупречным и благовоспитанным. А главное — выйдя за него замуж, Циньэр сможет остаться рядом с ней... Лао-фо-е погрузилась в задумчивость, а в её глазах постепенно заплесала улыбка.

После пережитого потрясения три девушки решили держаться вместе и пускать фонари рядом, чтобы при необходимости прийти друг другу на помощь. Эركان, Юнци, Цзи Чжичэн и другие молодые люди, разумеется, встали поблизости.

Цзывэй отчётливо чувствовала спиной чей-то неотступный, полный нежных чувств взгляд. Эركان стоял чуть позади неё, молчаливый, но с невероятно сильным присутствием.

Этот взгляд будоражил её душу, вызывая одновременно тайный трепет и глубокое чувство вины и тревоги перед Циньэр.

Она тихонько подёрнула Сяо Яньцзы за рукав и шепнула:

— Сяо Яньцзы, давай поменяемся местами?

Хотя Сяо Яньцзы ничего не поняла, заметив в глазах Цзывэй мольбу, она охотно кивнула:

— Хорошо!

Они бесшумно поменялись местами. Цзывэй слегка расслабилась, но никак не ожидала, что взгляд Эркана тоже естественно сместится, по-прежнему накрепко прикованный к ней.

На высокой террасе Цяньлун с любопытством разглядывал группу молодых людей у воды, полагая, что разгадал их замысел: Цзывэй и Цзи Чжичэн стояли близко друг к другу, рядом с Сяо Яньцзы находился Эركان, а Циньэр только что была спасена Фу Линьанем... Он погладил бороду и кивнул, находя такое сочетание вполне гармоничным и приятным глазу, даже не подозревая, как сильно заблуждается.

У пруда трое девушек закрыли глаза, благоговейно загадывая желания.

Мысленно Циньэр шептала: Папа, мама, ваша дочь живёт хорошо. Лао-фо-е добра к ней, во дворце она нашла двух задушевных сестёр — Сяо Яньцзы и Цзывэй. Я лишь молю, чтобы ваши души на небесах даровали Лао-фо-е долгих лет и крепкого здоровья, а дорогих мне людей защитили от бед и подарили им радость... Дочь очень скучает по вам.

Ресницы Цзывэй слегка дрожали: Мама, дочь увидела отца. Он не забыл клятву и относится ко мне прекрасно. Ты можешь спать спокойно на том свете. Прошу тебя, защити дочь, защити тех, кто дорог моему сердцу... пусть каждый из них обретёт своё счастье.

Загадав желания, они переглянулись, улыбнулись и, наклонившись, аккуратно опустили свои бумажные фонари в воду.

Цветочный фонарь Цзывэй и солнечный фонарь Циньэр поплыли рядом. Вода колыбалась, тени от огней качались, унося чистые желания и тоску девушек на середину пруда, где они сливались с сияющим морем огней. Праздник Уралламба подошёл к концу

Видя, что фонарь-цветок Цзывэй и солнечный фонарь Циньэр уже уплыли далеко и скрылись из виду, Сяо Яньцзы всё ещё стояла с крепко зажмуренными глазами, шевеля губами и с предельно серьёзным выражением на лице.

Небесные бодхисаттвы и Будда, Нефритовый Император, Мать-Владычица Запада... Кто бы из небожителей ни был свободен, умоляю, послушайте мою молитву, Сяо Яньцзы!

Она мысленно бормотала, слегка хмурия брови, словно силясь подобрать слова: Если вы и вправду так милосердны, то обязательно сделайте так, чтобы мои дорогие сестры Цзывэй и Циньэр каждый день были счастливы и улыбались! Защитите здоровье Отца-Императора, Императрицы-Матушки и Лао-фо-е, пусть они едят с аппетитом и живут долго...

Она замолчала на мгновение и принялась загибать пальцы: Цзи Чжичэн пусть живёт в безопасности и мире, Юнци во всём сопутствует удача, Банцзю пусть будет здоров, Эركان и Эртай тоже пусть будут в порядке... Ах да, точно-точно!

Вспомнив что-то, она стала ещё усерднее: И еще Лю Цин, Лю Хун, Сяохуцзы и бабушка Сунь, что живут за пределами дворца, умоляю, сделайте так, чтобы они каждый день могли есть горячее мясо и рыбу, зимой носили тесную одежду, а летом пили прохладный чай...

Выпалив всё это на одном дыхании, она перевела дух и в конце тихонько пробормотала: Наконец... наконец, надеюсь, что я, Сяо Яньцзы, стану хоть немного, хоть капельку смышленее, чтобы во время учебы не доставлять Наставнику Сяо Цзи и Наставнику Сяо Цзи столько головной боли, и чтобы домашней работы задавали поменьше... ну совсем чуть-чуть! Больше ничего не придумав, она наконец открыла глаза и шумно выдохнула, словно завершила великое дело.

Она бережно подхватила свой изящный фонарь в виде ласточки, присела на корточки и осторожно опустила его в воду.

Почти в тот же момент Цзи Чжичэн поставил рядом с большой ласточкой фонарик поменьше. Оба фонаря прижались друг к другу, покачиваясь на волнах, словно и вправду две птицы — большая и маленькая — о чем-то шептались.

— Сяо Яньцзы, ты так долго загадывала желание, — с улыбкой поддразнила её Цзывэй.

— Ещё бы! Столько людей надо защитить! — Сяо Яньцзы встала, отряхнула руки и проводила взглядом пару ласточек, которые уплывали всё дальше, пока не растворились вдали среди моря огней. Она внезапно повернулась к стоявшему рядом Цзи Чжичэну и с любопытством спросила: — Наставник Сяо Цзи, а ты загадал желание?

— Разумеется, — мягко ответил он.

— И что же ты загадал? — Сяо Яньцзы приблизилась, её глазки блестели от любопытства, а на лице так и читалось: «Ну скажи мне скорее».

Глядя на её близкое, полное любопытства лицо, Цзи Чжичэн почувствовал, как сердце забилось быстрее, но напускным таинственным видом покачал головой:

— Об этом нельзя говорить.

— Почему? — не унималась Сяо Яньцзы.

— Если скажешь... желание не сбудется, — с абсолютно серьёзным видом изрёк Цзи Чжичэн.

— Тц! Жадина! — Сяо Яньцзы тут же надула щеки, топнула ногой и бросилась обратно к Цзывэй и Циньэр. — Не хочешь — и не надо! Очень нужно было знать!

Цзи Чжичэн смотрел на её сердитую спинку и невольно тихонько рассмеялся, а в его глазах таилась нежность, которую он сам ещё не замечал.

На самом деле он не загадывал ничего конкретного, лишь про себя повторил: Пусть всё, чего

она желает, непременно исполнится.

Запустив речные фонарики, три девушки вернулись на высокую террасу, чтобы засвидетельствовать почтение императорской чете и Лао-фо-е.

— Долгих лет Отец-Император / Император, долгих лет Императрица-Матушка / Императрица, долгих лет Лао-фо-е.

— Вы, девчонки, наконец-то соизволили вернуться? — Цяньлун нарочито нахмурился. — Я уж думал, речные фонари забрали ваши души, и вы вовсе не собираетесь возвращаться!

Сяо Яньцзы показала язык, схватила лежавшее на столе перед Цяньлуном пирожное в виде цветка лотоса и засунула в рот:

— У Отца-Императора самые вкусные сладости на свете, мы бы ни за что не ушли!

Эта фраза рассмешила Цяньлуна, и наигранная строгость мгновенно испарилась.

Императрица подошла ближе и легко постучала Сяо Яньцзы по лбу, её голос сочетал в себе умиление и беспомощность:

— Ах ты, дикая мартышка! Целый день только и делаешь, что прыгаешь и скачешь, смотри не зарази своими повадками Цзывэй и Циньэр.

— Императрица-Матушка, ничего подобного! — Сяо Яньцзы ласково обняла императрицу за руку.

Лао-фо-е тоже притворилась недовольной:

— Точно! Моя Циньэр теперь тоже берет с тебя пример, вечно норовит убежать из дворца.

Циньэр послушно подошла, взяла Лао-фо-е под руку и мягко улыбнулась:

— Лао-фо-е, разве Циньэр не рядом с вами? Посмотрите лучше на этот пруд с цветами-фонарями: в этом году они стали ещё изящнее, чем в прошлые годы. Оцените, какой из них красивее?

В это время цветы-фонари посреди Тайечи распускались один за другим, лепестки раскрывались словно многослойные узоры, сияя и напоминая настоящее море лотосов, цветущее прямо на воде. Другие разнообразные фонари также соперничали в красоте и пестрили разноцветными огнями, от которых рябило в глазах.

— И правда красиво, с каждым годом всё искуснее, — Лао-фо-е похлопала Циньэр по руке, окинув гладь пруда ласковым взглядом.

По заведённому обычаю Лао-фо-е выбрала три фонаря, которые больше всего приглянулись ей в этом году: искусно сплетённый седьмой княжной фонарь в виде нефритового кролика выглядел как живой, фонарь шестого принца в виде цилиня излучал грозную мощь, а парные фонари-ласточки Сяо Яньцзы и Цзи Чжичэна завоевали первое место благодаря своей оригинальной задумке и живому исполнению.

— Что? Я — первая? — едва Цяньлун огласил результаты, Сяо Яньцзы чуть не подскочила, её глаза округлились, а лицо озарила улыбка, сиявшая ярче всех огней вокруг. — Ха-ха! Отец-Император! Лао-фо-е! Я выиграла!

— Кхм-кхм! — Цяньлун быстро откашлялся и бросил взгляд, означающий «сведи за манерами». Цзывэй тоже поспешно легонько дёрнула Сяо Яньцзы за рукав.

Сообразив в чём дело, Сяо Яньцзы тут же выпрямилась, сложила руки перед грудью и постаралась принять благопристойный вид, но уголки рта и блестящие глаза всё равно выдавали её переполнявшую радость.

— Сяо Яньцзы, — с улыбкой в глазах произнес Цяньлун. — По правилам, я могу исполнить одно твоё не слишком зазорное желание. Какую награду ты хочешь?

Глаза Сяо Яньцзы заблестели, а в черненьких зрачках промелькнула хитрость. Сначала она осторожно поинтересовалась:

— Отец-Император, а можно...

— Запрещается говорить, что не хочешь ходить в Шаньшуфан, — Цяньлун с одного взгляда раскусил её маленькие хитрости и сразу пресёк попытку.

— А... — плечи Сяо Яньцзы поникли, а личико мгновенно скисло. Но соображала она быстро: тут же вернула льстивую улыбку, придвинулась к Цяньлуну и сладким голосом затянула: — Отец-Император~ Вы самый мудрый, самый обаятельный и самый верный своему слову император на свете! Слово императора ведь не воробей, верно? Так... так можно мне добавить ещё несколько дней для выходов из дворца? Видите ли, мне нужно больше бывать в свете, чтобы потом лучше понимать уроки Наставника Сяо Цзи! — при этом она украдкой бросила молящий взгляд на Императрицу.

Императрица не удержалась от улыбки, подошла и мягко произнесла:

— Император, не мучайте её. Сяо Яньцзы в последнее время стала намного разумнее, и если она изредка будет выбираться на день-другой наружу, чтобы повидать жизнь простого народа,

это пойдет ей только на пользу.

Цяньлун и сам был в хорошем настроении, а услышав слова Императрицы, легко согласился:

— Ладно, раз Императрица за тебя просит, я разрешаю. Добавлю ещё один день для выходов из дворца в месяц, но если уроки будут запущены, придется отрабатывать в двойном размере.

— Спасибо, Отец-Император! Спасибо, Императрица-Матушка! — завопила Сяо Яньцзы и чуть было снова не подпрыгнула, но Цзывэй и Циньэр успели с обеих сторон схватить её за руки, смеясь.

Лао-фо-е наблюдала за гармонией в императорской семье и детьми, радующими родителей, и на ее лице застыла умиротворенная улыбка.

Вслед за этим она по традиции наградила тройку победителей. Остальные слуги, не получившие призов, хоть и испытывали легкое сожаление, но тоже погрузились в праздничное настроение, мысленно пообещав себе в следующем году смастерить еще более изящные фонари.

Приближался благоприятный час полночи, и монахи приступили к проведению финального ритуала. Сяо Яньцзы, держа в одной руке Цзывэй, а в другой — Циньэр, заранее протиснувшись к самому лучшему месту обзора, встала на цыпочки и вытянула шею, заглядывая в сторону алтаря.

Десятки монахов в рясах с чётками в руках чинно восседали кругом. Зазвучали деревянные рыбы — глухо и ритмично, а следом за ними густой, раскатистый звонкий хор сутр покатился волной, сливаясь с постукиванием в торжественную и священную звуковую волну, окутавшую весь берег Тайечи.

По мере того как чтение текстов достигало кульминации, огромное прекрасное судно из бумаги, исписанное золотыми санскритскими письменами, было медленно вытолкнуто на середину пруда. Монахи со сложенными в молитве ладонями затягивали мантры с еще большим благоговением. Внезапно корабль вспыхнул по всему периметру!

Огонь вспыхнул внезапно, но горел величественно. Пламя взметнулось ввысь, мгновенно поглотив изящный корпус судна, а бушующее зарево окрасило полнеба и покрыло теплым золотистым сиянием каждое лицо на берегу.

Огонь лизал бумажный корпус судна, издавая легкое потрескивание, а клубы густого дыма с ароматом благовоний поднимались ввысь, словно действительно доставляя тысячи ночных молитв прямо на небеса.

Сяо Яньцзы замерла от удивления, забыв встать на цыпочки, только приоткрыла рот и

пробормотала: Как ярко горит... Цзывэй и Циньэр тоже молча смотрели вдаль, их лица то освещались, то погружались в тень от огня. Цзи Чжичэн стоял чуть позади, но его взгляд был прикован к выхваченному пламенем сосредоточенному и нежному профилю Сяо Яньцзы.

Огонь постепенно угасал, величественное судно превратилось в пепел и медленно опустилось на дно воды. Пение монахов из громкого и страстного перешло в размеренное и спокойное, и наконец растворилось в ночной прохладе.

Лао-фо-е сложила руки в молитве, глядя на не погасшие еще речные огоньки в пруду и постепенно затихающие угольки, и на душе ее воцарился чистый покой.

Праздник Уралламба завершился. Ночь уже глубока, но в сердцах многих людей теплые огни и прекрасные молитвы словно продолжали тихо покачиваться на речных волнах.

Каждые семь дней — таковым стал новый график выходов Сяо Яньцзы и Цзывэй из дворца, с единственным условием: вернуться до наступления комендантского часа.

Воскликнув Да здравствует Отец-Император!, Сяо Яньцзы стремглав помчалась во дворец Цынингун, намереваясь вытащить погулять и Циньэр.

— Сяо Яньцзы, я не пойду, — хоть сердце и рвалось наружу, Циньэр покачала головой. — Если я покину дворец, некому будет присматривать за Лао-фо-е.

— Но... — личико Сяо Яньцзы погрузнело.

— Разве у меня здесь мало мамок и служанок, неужто некому подать чай? — раздался от входа голос Лао-фо-е, которую под руки вела матушка Гуй.

— Долгих лет Лао-фо-е! — Сяо Яньцзы чинно поклонилась — эту позу императрица исправляла бесчисленное количество раз.

— Вставай, вставай, — в глазах Лао-фо-е промелькнуло удовлетворение, императрица действительно вышколила Сяо Яньцзы на славу. Она повернулась к Циньэр, и тон ее стал мягким: — Циньэр, ты столько лет со мной, пора тебе посмотреть на мир за стенами. Сидеть целыми днями во дворце — только сужать свой кругозор.

— Но Лао-фо-е, я... — Циньэр всё еще сомневалась.

— Ну всё, — Лао-фо-е похлопала её по руке. — Раз матушка Гуй здесь, о чём тебе беспокоиться?

Матушка Гуй тут же выпрямила спину, слегка задрала подбородок, приняв вид: «Княжна

может идти спокойно, ваша слуга обо всём позаботится».

Сяо Яньцзы сочла выражение лица матушки Гуй забавным и передразнила её, тоже высоко задрав подбородок, подумав про себя: почему это матушка смотрит на всех через нос? Тогда и я буду смотреть так же!

Узнав, что Цинъэр едет с ними, Цзывэй безумно обрадовалась. Цяньлун не доверял девчонкам и специально выделил четырех стражей — Цзи Чжичэна, Эркана, Эртая и Бэньцземина — сопровождать их для охраны.

Карета выехала за дворцовые ворота, и Цинъэр впервые увидела настоящий столичный город.

Она украдкой приподняла уголок занавески, с любопытством разглядывая шумную толпу, ряды магазинов, зазывал и торговцев — всё это было совершенно не похоже на строгий порядок внутри дворца. Оказывается, жизнь за дворцовыми стенами была такой живой и кипящей.

— Мы приехали! — раздался возбужденный голос Сяо Яньцзы.

Экипаж остановился недалеко от ресторана Вэйбиньлоу. Сяо Яньцзы первой выпрыгнула из повозки, радуясь, словно вырвавшаяся из клетки птица, и Цзи Чжичэну не оставалось ничего, кроме как послушно следовать за ней. Цзывэй и Цинъэр вышли из повозки вместе, ступая неторопливо.

У входа в Вэйбиньлоу Лю Цин и Лю Хун встречали гостей. Хотя бизнес процветал и было нанято немало работников, эта парочка всё равно не могла сидеть сложа руки и любила руководить всем лично.

— Уважаемые гости, прошу... — Лю Цин поднял голову, но на полуслове замер: — Сяо Яньцзы? Цзывэй?

— Что, не рады нам? — Сяо Яньцзы с улыбкой заморгала глазами.

— Рады! Конечно рады! — услышав голос, подбежала Лю Хун и любовно обняла Сяо Яньцзы за руку. — Наконец-то вы пришли! В прошлый раз на открытии вас не было, я так переживала.

— Во дворце кое-какие дела задержали, — мягко объяснила Цзывэй, после чего представила стоявшую рядом Цинъэр: — Это Цинъэр, наша добрая сестра.

Цинъэр шагнула вперед и непринужденно улыбнулась:

— Вы, должно быть, молодой господин Лю Цин и барышня Лю Хун. Я часто слышала о вас от Цзывэй и Сяо Яньцзы, и вот наконец познакомилась лично.

Лю Цин мысленно оценил новую гостью: ее внешность и манеры были выдающимися, наверняка тоже какая-нибудь княжна из дворца.

Брат и сестра переглянулись, давно уже привыкнув к подобному: раз Сяо Яньцзы даже с Пятым принцем из императорской семьи на дружеской ноге, то все эти люди вокруг — сплошь знатные особы.

— Какие еще господа и барышни, зови меня братом Лю Цин, а её — Лю Хун! — открыто рассмеялась Лю Хун. — Раз она подруга Сяо Яньцзы, значит, и наша подруга!

Шумная компания весело вошла в ресторан. Внутри Вэйбиньлоу не было свободных мест, стоял гул голосов — бизнес действительно процветал.

Цзи Чжичэн окинул взглядом обновленный ресторан и мысленно похвалил деловую хватку брата и сестры Лю.

Сяо Яньцзы хотела было найти место на первом этаже, но Цзи Чжичэн, помня о происхождении девушек, предложил подняться в отдельный кабинет на втором этаже. Никто не возражал, и все вместе они поднялись наверх.

— Лю Цин, Лю Хун, живо тащите свои фирменные блюда! — усевшись, завопила Сяо Яньцзы. — Я сегодня собираюсь наесться от пуза!

Лю Хун с улыбкой усадила её обратно на стул:

— Сейчас-сейчас, уважаемый гость, минутку, всё будет!

Как только брат и сестра вышли хлопотать, Сяо Яньцзы снова не усидела на месте. Она принялась всё трогать и разглядывать в кабинете, проявляя живой интерес ко всему.

— Сяо Яньцзы, будь осторожнее, — глядя на её неуклюжие движения, Цзи Чжичэн не удержался от поддёвки. — Смотри ничего не разбей, а не то Лю Цин и Лю Хун заставят тебя мыть посуду в отработку долга.

— Тц! Да я, Сяо Яньцзы-героиня, смелая и расчетливая, ни за что... — не успела она договорить, как раздался звук — хлоп! — и цветочный горшок с полки рухнул вниз, разлетевшись на мелкие кусочки.

В кабинете мгновенно воцарилась тишина. Снизу донеслись голоса обеспокоенных посетителей: Что там наверху? Наверное, перепили...